

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Н. Е. Ананьева

О ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА В. Г. КОРОЛЕНКО)

Владимиру Павловичу Гудкову не чужда тема «язык художественной литературы», то есть та область исследования, которую В. В. Виноградов относил к «нейтральной или смешанно-переходной зоне», принадлежащей как литературоведению, так и языкознанию [Виноградов 1958: 3]. Ряд публикаций уважаемого юбиляра посвящен тем или иным языковым особенностям отдельных произведений сербской и хорватской литературы. Это одно из направлений в разноплановом научном творчестве В. П. Гудкова позволяет нам в сборнике в его честь высказать некоторые соображения о роли польских языковых элементов в произведениях русской литературы XIX в.

Исторические коллизии во взаимоотношениях Польши и России, длительный период бытования русского и польского этносов в границах одного государства не могли не отразиться на взаимодействии русского и польского идиомов, в том числе проникновении элементов последнего в язык русской художественной литературы (как, впрочем, и русского – в польскую литературу). Польский язык знали или изучали многие русские писатели. Но особое место польский язык занимал в творчестве литераторов, родившихся на Украине и в Белоруссии, где польский язык вследствие исторических судеб данного региона был одним из языков повседневного общения, особенно в помещичьей усадьбе и в городе. Да и многие писатели, уроженцы «Кресов» (так по-польски именовались восточные рубежи бывшей Речи Посполитой), чьи имена вошли в историю русской литературы, имели польские корни. К таким писателям принадлежит и герой нашей статьи Владимир Галактионович Короленко. Его мать Эвелина (Ева) Иосифовна, послужившая прообразом для одноименной героини «Слеплого музыканта», происходила из польского рода Скуревичей. Бабушка по отцовской линии также была полькой (урожденная Мальская). Детские годы В. Г. Короленко протекали на Волини, в Житомире. До событий, связанных с восстанием 1863 г. (то есть в течение первых 7–8 лет жизни писателя, родившегося 15

июля по старому стилю 1853 г.), языком семьи был язык матери, то есть польский. «В первые годы моего детства в нашей семье польский язык господствовал, но наряду с ним я слышал еще два: русский и малорусский», – вспоминал впоследствии писатель [Короленко 1953, 6: 85]. В «Истории моего современника» В. Г. Короленко пишет, что писать он научился по *польской* азбуке, первой толстой книгой, которую он прочел, была *польская* книга («Фомка из Сандомира» Юзефа Коженёвского – в тексте Иосифа Коржениовского), первая пьеса, увиденная будущим писателем в театре, принадлежала перу *польского* автора и исполнялась *польской* труппой. Только «приблизительно в 1860 году», по решению отца, обеспокоенного возможными репрессиями со стороны властей по отношению к полякам (в связи с ситуацией перед январским восстанием 1863 г.), в «ополяченной» семье Короленко впервые «зазвучала обиходная русская речь» [Короленко 1953, 6: 88]. Но даже будучи уже пансионером, В. Г. Короленко, по его собственному признанию, «по-польски... говорил и писал тогда лучше» и только «начинал знакомиться с русской грамматикой» [Короленко 1953, 6: 88].

Украинско-польская языковая стихия, соответственно, в большей степени представлена в тех произведениях В. Г. Короленко, действие которых протекает на Украине, в тогдашнем Юго-Западном крае. («Слепой музыкант», «В дурном обществе» и в особенности первая книга автобиографического романа «История моего современника»¹). Эти полонизмы и украинизмы (включая соответствующий ономастикон и песни) воссоздают атмосферу многоязычия и многообразия культур, характерную для городов и местечек тогдашнего Юго-Западного края, где поляки и украинцы соседствовали с русскими, евреями и чехами. Эту многонациональную и поликонфессиональную среду так описывает сам В. Г. Короленко: «Жили мы на Вольни, то есть в той части правобережной Малороссии, которая дольше, чем другие, оставалась во владении Польши. К ней всего ближе была железная рука кн. Еремы Вишневого. Вишневец, Полонное, Корец, Острог, Дубно, вообще волынские городки и даже иные местечки усеяны и теперь развалинами польских магнатских замков или монастырей... В селах помещики, в городах – среднее сословие были поляки или, во всяком случае, люди, говорившие по-польски. В деревнях звучал своеобразный малорусский говор, подвергавшийся влиянию и русского, и польского. Чиновники

¹ Далее при цитировании употребляем следующие сокращения указанных произведений: СМ, ДО, ИС.

(меньшинство) и военные говорили по-русски... Наряду с этим были также три веры (не считая евреев): католическая, православная и между ними – униатская, наиболее бедная и утесненная» [ИС: 84–85]. «Вплетенные» в ткань литературного произведения полонизмы и украинизмы (редко – заимствования из идиша) выполняют одновременно ряд художественных функций: информативную, экспрессивную, стилистическую. Воссоздавая определенный локальный колорит, «пространственно» и «хронологически» маркируя сообщаемое, характеризуя речь тех или иных персонажей, придавая ей не только достоверность, но и выразительность, эти иноязычные элементы одновременно являются компонентом языковой материи произведения и тем самым составной частью его поэтики².

Мы остановимся только на полонизмах, опуская материал по заимствованиям из украинского языка. Однако в ряде случаев (особенно в лексике) при кириллической записи лексемы, идентичной в украинском и польском языках, трудно сказать, из какого идиома непосредственно взято это слово автором. Поскольку в украинский язык вошло значительное число польских слов, при полном совпадении форм мы определяем ее как полонизм. Если известно, что общее для польского и украинского языков слово является в первом случае генетическим украинизмом, снабжаем его пометкой укр.-польск. (*чуприна* «шевелюра»). Такие же лексемы, как «*сакристия*» ‘ризняца’ (ср. польск. *zakrystia*), «*клеянод*» ‘герб’ (польск. *klejnot*), «*зызем*» ‘искоса’ (польск. *zezem*), несмотря на их несомненно генетически польский источник в украинском, нами не рассматриваются. Остается в стороне также вопрос о происхождении анализируемых полонизмов в польском языке.

Польские элементы представлены не только в апеллятивной лексике, но и в именах собственных, в первую очередь в антропонимиконе. Ср. «шляхетские» фамилии на *-cki, -dzki, -ski*: *Попельские, Потоцкая, Яскульские* [СМ], *Будзиньская, Дембский, Домбровский, Журавский, Зборовские, Коляновский, Кучальский, Лисовский, Окрашевская, Ольшанский, Пашковский, Погорельский, Подгурский, Рыхлинский, Строиновский, Уляницкий, Червинский, Янковский* [ИС] и др.; фамилии патронимического происхождения: *Туркевич, Федорович* [ДО], *Банькевич, Буткевич, Конахевич, Крыштанович, Лохманович* [ИС] и др.; фамилии прозвищного типа: *Драб* (польск. *drab* ‘дылда, верзила’); имена: *Агнешка, Бронислав, Казимир, Кароль, Феликс, Эдмунд,*

² Функционирование в произведениях В. Г. Короленко цитат из западноевропейских языков – тема особого исследования. О роли латинизмов см. ниже.

Якуб, Ян [ИС], Януш [ДО]; производные модификации от полных имен, образованные по моделям польского языка: Аннуся, Марыня [СМ], Валек [ДО], Антошь, Бася, Славек, Стах, Франек [ИС]; сакральное имя Езус (Jezus «Иисус») [ИС]. Принадлежность к польской национальности подчеркивают слова «пан», «пани», «панна», которые одновременно являются и показателями определенного социального статуса, и формами вежливого обращения на «вы» (пани Будзиньская, пани Рымашевская, пан Погорельский, пан Уляницкий, пан Туркевич, панна Эвелина и многие другие). Примеры употребления лексем *пан* и *пани* в функции обращения: «Не бойтесь, пан Валентин, – улыбаясь, ответил на эту речь Максим» [СМ: 115]; «Ах, пани сендзина, – сказал он» [ИС: 131]. Наряду с лексемой *пан* параллельно (но значительно реже, чем им. пад. ед. ч.) употребляется и специфичная форма вокатива *пане* (см. ниже).

В «Истории моего современника» отмечен также польский агороним: *Plac panienski* (вернее: *Panieński*) (Девичья площадь). Польскую ауру создают и приводимые как по-польски, так и в русском переводе библионимы («Tomek Sandomierzak», «Хроника Яна Хризостома Пасека», драма А. Грозы «Попель», поэма А. Мицкевича «Пан Тадеуш», драма «Урсула, или Сигизмунд III»), названия патриотических песен и гимнов («Jeszcze Polska nie zginęła» – «Еще Польша не погибла», «Grzmia pod Stoczkiem harmaty» – «Под Сточком гремят пушки», «Boże, coś Polskę przez tak długie wieki») и, наконец, хоронимы *Речь Посполитая* и *Польша*. Упоминание имен исторических персонажей (гетманы Жолкевский, Конецпольский, Чарнецкий, князь Ерема Вишневецкий), польских писателей (Юлиан Урсын Немцевич, Ян Хризостом Пасек, Адам Мицкевич, Юлиуш Словацкий, Александр Гроза, Михаил Чайковский – впоследствии Садыкпаша), музыкантов (Огинский), революционных деятелей (участник восстания 1863 г. Эдмунд Ружицкий) также создает атмосферу польской культурной традиции, в которой воспитывался польский ребенок на «Креслах». К *nomina propria* относится и геральдическое наименование – название герба *Korab i Łódzia* (ковчег и ладья), который, по преданию, получил предок В. Г. Короленко по отцовской линии – миргородский казачий полковник – от польских королей. Ср. шутовое название герба, нарисованного отцом: «Pchła na bębenku horki tnie» («Блоха отплясывает на барабане»). Название придуманного отцом герба было мотивировано тем, что «казаков и шляхту в походах сильно кусали блохи» [ИС: 12]. Упоминается в романе и герб Великого княжества Литовского («литовская погоня» [ИС: 161]).

Среди полонизмов, употребленных В. Г. Короленко, преобладают номинации реалий (то есть существительные) и признаков лица, предмета или действия (то есть прилагательные и наречия). Эти лексемы относятся к следующим семантическим группам.

1. Названия сословий, социального положения: *магнат*, *пан*, *панство*, *пани*, *панич*, *панна*, *хлоп*, *хлопство*, *шляхта*, *шляхетство*, *шляхтич*, производные адъективы и наречия: *магнатский*, *панский*, *хлопский*, *по-хлопки*.

2. Названия занятий, профессий: *коморник* (*komornik* – ‘судебный исполнитель’, зд. землемер), *официалиста* (*oficjalista* – ‘конторщик’ (в имени); судейский чиновник), *покоювка* // *покоевая панна* (*pokojówka*, *pokojowa* – ‘горничная’), *посессор* (*posesor* – ‘арендатор’), кальки с префиксом *под-*, обозначающим подчиненный характер лицу, названному производящей субстантивной основой (*подлекарь* – *podlekarz* ‘помощник врача’, *подсудок* – *podsedek* ‘помощник судьи’, *подчасок* – *podczasek* от *podczaszy* ‘подчасий’ – судебная должность), *фактор* (*faktor* – ‘посредник, комиссионер’); ср. также феминатив *сендзина* (*sędzina*), образованный от профессии мужа, – ‘жена судьи’ (у В. Г. Короленко *судейша*).

3. Названия городских и хозяйственных построек и их частей: *каменица* (*kamienica* ‘каменный дом’), *магазин* (*magazyn* ‘склад’).

4. Названия транспортных средств и их частей: *драбина* (*drabina* ‘решетчатый бок телеги’), *коч* карета (*kocz* ‘карета, коляска с открытым верхом’).

5. Религиозная терминология: *гостия* (*hostia* ‘облатка; зд. католическое причастие’), *громница* (*gromnica* ‘большая восковая свеча’), *каплица*, деминутив *капличка* (*kaplica* ‘часовня’, *kapliczka* ‘часовенка’), *кляштор* (*klasztor* ‘монастырь’), *костёл*, *ксьёндз*, *отпусть* (*odrust* ‘храмовой праздник; отпущение грехов’), отец *панеж* // *панеж* (*papież* ‘Римский папа’), *пробоц* (*proboszcz* ‘приходской священник’) и др.

6. Названия одежды и обуви и их частей: *вылёт* (*wyłoty* ‘откидные рукава (кунтуша)’), *конфедератка* (*konfederatka* ‘конфедератка – вид головного убора’), *кунтуш* (*kontusz* ‘кунтуш’ – вид одежды), *постолы* (*postoły* ‘лапти из лыка’), *сукмана* (*sukmana* ‘сермяга’ – кафтан из грубого некрашеного сукна), *чамар(к)а* (*czamar(k)a* ‘венгерка’ – вид одежды).

7. Названия историко-социальных явлений: *застенок* (*zaścianek* ист. ‘деревня, заселенная мелкой шляхтой; усадьба мелкого шляхтича’), *повстанье* (*powstanie* ‘восстание’), *пропинация* (*propinacja* ист. ‘вин-

ный откуп'), *рухавка* (*ruchawka* 'бунт, волнения; ополчение, ополченцы').

8. Названия домашней утвари: *каганец* (*kaganięc* 'светильник').

9. Названия денежных единиц: *злотый* (*złoty*).

10. Названия танцев: *галопад* (*galopad* 'галоп').

11. Названия, связанные со школьным обучением: «*арытметы́ка* и *граматы́ка*» (*arytmetyka* 'арифметика', *gramatyka* 'грамматика'), *учень* (*uczeń* 'ученик').

12. Наименование реалий, связанных с военными действиями: «*панцирный товарищ*» (калька с польск. *towarzysz pancerny* ист. 'латник, панцирник'), *режимент* (уст. *regiment* 'полк'), *хоругвь* (польск. *chorągiew* 'наименование войсковой единицы').

13. Возрастная характеристика лица: *малый* (*mały* 'мальчик'), *паненка* (*panienka* 'девочка, девушка'), *панич* (*panicz* 'сын помещика, барич, барчук'), *панна* (*panna* 'девушка, барышня'), *хлопец* (*chłopiec* 'мальчик'); ср. осложнение возрастной характеристики другими смыслами: *старополяк* (*staropolak*) – о старом поляке Коляновском, являющемся приверженцем старых польских традиций и обычаев.

14. Название признака лица или предмета: *наглый* (*nagły* 'внезапный').

15. Характеристика действия: *с поспехом* 'в спешке' (*pośpiech* 'спешка'), *с тумультом и гвалтом* (*tumult* 'шум, гвалт, суматоха', *gwalt* 'кутерьма, суматоха, шум').

16. Названия, относящиеся к внешности человека: *чуприна* (укр.-польск. *czupryna* – *чуприна* 'шевелюра').

17. Оценочная лексика: а) номинация лица (как правило, с отрицательной оценкой): *дево́тка* (*dewotka* 'ханжа, святоша'), *гультай* (*hultaj* 'шалопай, негодяй'), *иолоп* (*jołop* 'олух, остолоп, болван'), *лайдак* (*lajdak* 'подлец, негодяй, мерзавец') и др.; б) названия негативных по своей сути явлений: *импертынненция* (*impertynencja* 'нахальство, грубость, дерзость'), *калюмния* (*kalumnia* 'клевета, навет'), *рабунек* (*rabunek* 'грабеж, ограбление'), *сваволя* (*swawola* 'самоуправство, произвол, своеволие'); в) названия положительных по своей сути явлений (редко): *толеранция* (*tolerancja* 'терпимость').

Глаголы-полонизмы употребляются чрезвычайно редко (ср. в прямой речи: *nie dopilnujesz* 'не уследишь'). И в нарратив, и в прямую речь писатель вводит специфические для польского языка директивные предложно-падежные формы *до лясу* (*w les*) и *до Подоля* (на Подолье). Для прямой речи характерны также вокативы типа *пане* и *хлопче* (наряду с более частотными формами им. п. ед. ч. в функции обращения). К эмоционально-экспрессивным средствам передачи

«польскости» относятся междометия (ср. *za!* – *ha!* ‘ага, ох, ах’, *wьо-о!* – *wio!* ‘но’: понукание лошади), фразеологизмы и клише (примеры см. ниже).

Польская лексема вводится в повествование обычно в транслитерации, реже в записи на польском языке. Пониманию полонизма способствуют специальные приемы включения его в текст. Чаще всего польская лексема заключена в кавычки, а после нее приводится в скобках русский эквивалент или пространное авторское пояснение. Например: «*пан коморник*» (*землемер*), «*вылёт*» (*откидные рукава*), «Что бы ты сделал, если бы он стал так же смеяться на «*гостией*» (*католическое причастие*)?» [ИС: 88]; «среди зелени чьего-то сада высилась огромная “*фигура*” – *старый польский крест с крышкой, прикрывавшей распятую фигуру Христа*» [ИС: 27]. Скобки может заменить союз *то есть*: «Но в действительности это был только “*магазин*”, *то есть* кладовая» [ИС: 184]. Польская лексема может вводиться и после соответствующего русского синонима, придавая фразе большую экспрессивность. Ср.: «...зажгли *большую восковую свечу “громницу”*» [ИС: 58], «всякий раз, когда кто-нибудь умирал по соседству, особенно если умирал *неожиданно*, “*наглою*” смертью “без покаяния” – нам становилась страшна тьма ночи» [ИС: 39]. Полонизм, употребленный после русского эквивалента, может быть заключен в скобки. Ср.: «Чтобы мальчик не сидел даром и не баловался с разными *висельниками (“урвисами”)*» [ИС: 49]. Пониманию текста способствует употребление составных слов (гибридов), в которых одна часть – специфически польская, а вторая известна и русскому языку («*коч карета*»). Иногда польскому слову предшествует или следует за ним русский синоним либо близкая по значению (но не полностью совпадающая с ним) русская лексема (полонизм и русское соответствие при этом объединены союзом *и*). В таких случаях возможно употребление полонизма без кавычек: «с великим *шумом, криком и гумультом*» [ИС: 192]; «В конце концов Банькевич... стал писать доносы в высшие инстанции на самих судей, чинящих одному Курцевичу *толеранцию и потакательство*, а ему, сироте-дворянину, – *импертыненцию и несправедливость*» [ИС: 193]; «О каковом публичном *рабунке* и явном *разбое*» [ИС: 192].

Изредка встречаются авторские пояснения в виде сноски. Например, для вышеупомянутой «громницы» в тексте «Слепого музыканта» объяснение, в отличие от «Истории моего современника», дано в сноске («Громницей называется восковая свеча, которую зажигают в сильные бури, а также дают в руки умирающему» [СМ: 107]).

Иногда значение полонизма проясняет только широкий контекст. Так, в повести «В дурном обществе» неоднократно наряду со словом «часовня» писатель употребляет лексему «каплица», но нигде эти слова не стоят рядом, то есть понять, что обе лексемы обозначают одну и ту же реалию, мы можем только из более широкого контекста. Ср. также примеры дистантного расположения полонизма и русского эквивалента: а) польское слово предшествует русскому: «...хлопство кидает злую “калюмнию” на все благородное сословие Гарного Луга... Единственно для того, чтобы вогнать *клевету* обратно в хлопские пасти» [ИС: 189]; б) постпозиция полонизма по отношению к русскому соответствию: «*Восстание* нигде не удавалось. Наполеон не приходил, мужики даже в Польше неохотно приставали к “рухавке”» [ИС: 96].

В ряде случаев русские эквиваленты вообще отсутствуют. Коммуникативная функция текста не нарушается, когда в русском языке существует близкая по форме и значению лексическая единица: *хлоп* и производные от него (ср. русск. *холоп*), *повстанье* (ср. *восстание*), *поспех* (ср. *спешка*, не к *спеху*), *учень* (ср. *ученик*). Отсутствие пояснения оправдано также, когда контекст однозначно указывает на семантику близкой к русскому эквиваленту польской лексемы. Ср.: «Помни всегда, что на небе есть бог, а в Риме святой его “*панеж*”» [СМ:115]. Не объясняются и вошедшие в русский язык наименования польских реалий (*костёл*, *ксёндз*).

Однако в некоторых случаях отсутствие русского эквивалента затрудняет восприятие текста русскоязычным читателем, незнакомым с польским или украинским языками. Ср.: «Впоследствии она [мать. – Н. А.] все время и держалась таким образом: она ни примкнула к суетне экзальтированных патриотов и “*девоток*”, но в *костёл* ходила... как и прежде...» [ИС: 93]; «Банькевич отправился на “*отпуст*” к чудотворной иконе» [ИС: 191]; «На длинных возах с “*драбинами*” в каких возят снопы, сидели кучей повстанцы» [ИС: 96–97]. Из контекста можно понять, что *девотка* и *отпуст* имеют какое-то отношение к соблюдению религиозной обрядовости, а *драбина* – какая-то часть телеги, но конкретные значения этих лексем остаются неясными. Тем более пространного историко-культурного комментария требуют лексемы «застенок» и «застенная шляхта» (польск. *zaścianek*, *szlachta zaściankowa*), что обычно и делается издателями. Ср.: «Всего вероятнее, что Гарный Луг был когда-то так называемым “*застенком*”, а его “панство” представляло “*застенную шляхту*”, ярко описанную Мицкевичем в “Пане Тадеуше”» [ИС: 184].

Полонизмы, как правило, приводятся в транслитерации, но изредка употребляются и в форме оригинала: «Случайно он встретился с племянницей приходского ксендза (*proboszcza*)» [ИС: 67], «Не укараулишь (*nie dopilnujesz*)» [ИС: 28]; «Для купанья нам приходилось пройти большие пустыри Девичьей площади (*Plac Panieński*)» [ИС: 80]. На польском языке также приводятся различные надписи: на школьной линейке (*dla bicia (для битья)*) [ИС: 76]), на надгробии (*ofiara srogości* (жертва строгости) [ИС: 141]), на стене «школы иезуитов или пиаров». Последняя надпись приведена в тексте по-русски («О боже мой, боже! Какой я бедный! И кто мне поможет»), а в сноске дан подлинный польский текст: «O Boże-ż mój, Boże! Jakim ja biedny! Kto-ż mi dopomoże» [ИС: 288].

При неоднократном употреблении в тексте одного и того же полонизма кавычки ставятся обычно только в случае первого введения лексемы в текст. Ср.: «На нем была черная “чамарка”, вытертая и в пятнах. Застегивалась она рядом мелких пуговиц, но половины их не было, и из-под чамарки виднелось голое тело...» [ИС: 187]. Но в некоторых случаях кавычки сохраняются даже при неоднократном употреблении заимствования. Например, “магазин” (‘склад, кладовая’) всегда приводится в кавычках, в отличие от магазина, обозначающего место покупки (шляпный магазин, магазин белья и т. п.). Наличие кавычек подчеркивает экспрессивную функцию слова или словосочетания и характерно не только для иноязычной лексики (ср. «совещание», «национализмы», «учителя-люди», «учителя-звери» и мн. др.).

Помимо полонизмов, встречающихся и в нарративе, и в прямой речи, выделяется пласт лексики, специфичный для речевой характеристики. Это экспрессивно окрашенные слова (главным образом пейоративные номинации лица), фразеологизмы. Обе эти группы характерны как для прямой речи, так и для косвенной речевой характеристики. Только в прямой речи употребляются формы вокатива (*пане, хлопче*), междометия и клише-восклицания (*великая штука* – см. ниже о кальках). Пример повторяющейся речевой характеристики – излюбленное словечко отца *забобоны* (польск. *zabobony* – суеверия, предрассудки) и его же пословица, в которой употреблена калька с польск. *podlekarz* – *подлекарь* ‘помощник врача’ («Толкуй больной с *подлекарем*» [ИС: 15, 22, 33, 72 и др.]). Высказывания поляков, как правило, приводятся или с вкраплением отдельных польских лексем, или представляют собой предложения гибридного характера, в которых объединены польские и русские формы. Пример такого предложения – фраза привидевшегося старику Янушу покойного

владельца замка из повести «В дурном обществе» («Молчите там, лайдаки, пся вяра!»), в которой первая часть дана по-русски, а вторая (лайдаки, пся вяра) – по-польски (*lajdak* – см. выше; *psia wiara* – ругательство, букв. ‘собачья вера’). Ср. также обращение старого учителя-художника поляка Собкевича к ученикам в «Истории моего современника»: «*Иолопы! Бараны! Ослы!* – кричал он по-польски. – Что значат ваши *граматыки* и *арытметыки*, если вы не понимаете красоты человеческого глаза!..» [ИС: 142]. Здесь наименования лиц даны польскими (*jolopy* – остолопы, олухи) и общими для польского и русского языка лексемами (*barany, oshy*), а во вторую часть высказывания вставлены польские наименования дисциплин (*arytmetyka, gramatyka*). Гибридными являются и словосочетания типа «пан Иисус», «панна Богоматерь». К Богоматери и Иисусу поляки обращаются или по-польски (в транслитерации: *Езус, Мария* [ИС: 71]), или в русском переводе (из речи пана Погорельского: *Иисус, Мария, святой Иосиф* [ИС: 187]). Пример функционирования междометия *ga* и вокатива *хлопче* в речи пана Погорельского: «И что же?.. *Га!* Ничего. Да и что тут говорить: последние времена!» [ИС: 188]; «А чей ты, *хлопче?*; Скажу тебе, *хлопче*, правду...» [ИС: 187]. Ср. вокатив *пане*: из речи матери писателя – «*Пане Крыжановский?*» [ИС, 130], из речи Иохима в «Слепом музыканте» – «не скажите, *пане*» [СМ: 101]. В ряде случаев автор отмечает, что тот или иной персонаж «говорит по-польски», «сказал по-польски», поет «польскую песенку», но при этом отсутствуют какие-либо полонизмы в приведенных высказываниях или какой-либо польский песенный текст. Указанные ремарки также выполняют функцию придания повествованию локального колорита.

Среди речевых характеристик и в нарративе широко представлены кальки с польского языка. Такому калькированию подверглись, например, следующие польские фразеологизмы, употребленные в качестве опосредованной речевой характеристики: «Пан Туркевич принадлежал к типу людей, которые, как сам он *выражался*, **не дают себе плевать в кашу**» [ДО: 15] (польск. *nie dać sobie w kaszę pluć // dmuchać* – ‘уметь постоять за себя, не дать себе досаждать, не дать себя в обиду’); «Пан Погорельский **плакал как бобр**, по выражению капитана» [ИС: 189] (польск. *plakać jak bóbr* – ‘рыдать в три ручья’). Калькой с польского является и словосочетание *великая штука* в следующем контексте: «– А вот англичане, – сказал отец в другой раз за обедом, когда мы все были в сборе, – предлагают большие деньги тому, кто выдумает новое слово. – *Великая штука!* – самонадеянно сказал старший брат, – я сейчас выдумую» [ИС: 23]

(польск. *wielka sztuka* ‘подумаешь, какая важность’). Польско-украинские истоки имеет и постоянное употребление адъектива *малый* по отношению к ребенку (мальчику) не в сниженном, а в нейтральном стиле общения (*mały*). Ср., дядя Максим говорит Петрусю: «Эх, *малый!* Это не хлопские песни... Это песни сильного, вольного народа» [СМ: 102]. О чрезвычайной активности такого словоупотребления прилагательного на Украине свидетельствует его функционирование в значении ‘ребенок’ в современном русском языке образованных жителей Украины (ср.: «Моя *малая* пошла в школу» – из речи филолога, преподавателя Киевского государственного университета).

Польский источник имеют плюративные формы в следующих двух фразеологизмах: 1) бранном клише, употребленном помещиком Дешертом из «Истории моего современника»: «А, пусть вас *возьмут все черти!*» [ИС: 70] (Ср. польск. *niech (kogoś) diabli wezmą // porwą*); 2) идти «на *разведки*» («Мы подымались как раз в гору *на разведки*» [ИС: 82]); ср. польск. *iść na wypyady* ‘пойти разузнать что-либо’.

То, что родным языком В. Г. Короленко был польский, проявляется и там, где, по всей видимости, отсутствует сознательное использование полонизмов. Ср. тавтологическое словосочетание «*комнатная горничная*» [ИС: 64] (калька с *pokojówka, pokojowa, panna pokojowa* – все эти номинации также есть в текстах В. Г. Короленко в транслитерированном виде: «*покоювка*», «*покойовая панна*» и даже «*покойовая девушка*» – с переводом лексемы «панна»); прилагательное *далекий* в словосочетании «*далекий родственник*» [ИС: 56] (польск. *daleki krewny* – русск. дальний), хотя и употребляемое наряду с *дальний* («*дальний родственник моей матери*» [ИС: 77]). Ср. также выражение «*брать* события с юмористической точки зрения», где *брать* означает ‘принимать’ (ср. польск. *brać coś poważnie, pod uwagę* и т. д. – ‘принимать что-нибудь всерьез, во внимание’ и т. д.). Наиболее яркий пример такого подспудного воздействия первичной языковой системы представлен в характеристике «пани Рымашевской», которая «была женщина очень толстая и крикливая. Про нее говорили вообще, что это не баба, а *Ирод*» [ИС: 47]. Очевидно, что русск. «Ирод», «настоящий Ирод» употребляется по отношению не к «толстому и крикливому», а к жестокому и вероломному человеку. Характеристика Рымашевской как Ирода – это калька польск. *herod-baba*, то есть ‘бой-баба’. Вероятно, в основе пристрастия В. Г. Короленко к лексеме «*раздорожье*» ‘распутье’ (и не только в анализируемых трех текстах) также лежит польское соответствие *rozdroże*.

Посредством введения в речь отдельных персонажей латинских выражений писатель придает этим образам еще большую достоверность, подчеркивает принадлежность поляков к римско-католическому миру. Латинские вставки характеризуют речь арендатора Яскульского [СМ], пана Погорельского [ИС], образованного бродяги Тыбурция Драба-Федоровича [ДО].

Ср. наставления Яскульского дочери Эвелине: «Это тебе говорю я, Валентин Яскульский, и ты должна мне верить потому, что я твой отец – это *primo...* *Secundo*, я – шляхтич славного герба, в котором вместе с “копной и вороной” недаром обозначается крест в синем поле... Ну а в остальном, что касается *orbis terrarum*, то есть всего земного, слушай, что тебе скажет пан Максим Яценко» [СМ: 115]. Тыбурций Драб не только перед обывателями Княж-городка произносит непонятные для них речи из Цицерона, главы из Ксенофонта, «громил Катилину или описывал подвиги Цезаря или коварство Митридата», обращаясь к слушателям не иначе, как «*Patres conscripti*» (то есть «отцы сенаторы». – *H. A.*) [ДО: 19], но и в разговоре с сыном судьи Васей употребляет латинизмы: «*Ego* – Тыбурций *sum*» [ДО: 39], «Приходи, разрешаю... *sub conditionem*» [ДО: 41], «Однако знаешь ли ты, что такое *curriculum vitae*» [ДО: 47], «Не говори, *amice!*.. Эта история ведется исстари, всякому свое, *suum cuique*» [ДО: 41], «... у меня с законом вышла когда-то, давно уже, некоторая *сусниция*...» [ДО: 48]. Примеры из речей «панцирного товарища» пана Погорельского: «*Pro forma*, благодетель, *pro forma*» [ИС: 189], «Он купил двадцать душ у такого-то... *Homo novus*» [ИС: 187]. Ср. также косвенную речевую характеристику пана Погорельского: «Пан Погорельский плакал... , оплакивая порчу нравов – *periculum in mores nobilitatis harnolusiensis*» [ИС: 189]. И не случайно, описывая отдельные типы «старопольской» шляхты, автор употребляет определение «представители *nobilitatis harnolusiensis*» [ИС: 188].

Произведения русских писателей, являющихся выходцами с так называемых «Кресов», представляют интерес и для исследователей особенностей польского периферийного диалекта («польщизны кресовой»), в случае В. Г. Короленко – ее юго-восточной разновидности. Например, в первой книге «Истории моего современника» четырежды употреблено слово *балагула* (вид еврейской повозки), которое функционировало в польском языке юго-восточных «Кресов» до Второй мировой войны. Его приводят как юго-восточный «кресовизм» исследователи «польщизны кресовой» (например, [Kur-zowa 1983: 133]), оно часто встречается в мемуарной литературе, описывающей события, происходящие на юго-восточных «Кресах»

(ср. [Grzesiakowa 1992]). К таким же регионализмам относится и употребляемый В. Г. Короленко украинизм *клуня* 'овин, рига', который выделялся как «подольский провинциализм» еще в середине XIX в. [Kremer (1870) 1999: 288]. Подробнее о необходимости учитывать произведения русских писателей, родившихся или живших на «Кресах» (в частности, Н. В. Гоголя) при составлении словаря польских «кресовых» говоров см. в [Ananiewa 2003].

Еще один аспект в исследовании функционирования полонизмов (как и украинизмов) в произведениях русской литературы – это необходимость их объяснения в случае отсутствия такового у самих авторов. Например, в «Тарасе Бульбе» (произведении, которое изучают в школе) для русскоязычного читателя, не владеющего украинским или польским языками, непонятными остаются названия растений *волошки* 'васильки', *бодяк* (в «Ви» вариант *будяк*) 'чертополох', прилагательное *пышный* 'гордый' (ср. пример адъектива в следующем контексте: «Не смейся, не смейся, батьку! – сказал, наконец, старший из них [Остап. – Н. А.]. – Смотри ты, какой *пышный*! А отчего ж бы не смеяться?» [Гоголь 1956: 129]).

Таким образом, исследование функционирования полонизмов в текстах русской литературы, причем не только XIX, но и XX вв. (например, в романе И. Эренбурга «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца» или в «Золотом теленке» И. Ильфа и Е. Петрова) представляется нам довольно перспективной проблемой³. Она имеет значение для изучения специфики поэтики того или иного русского писателя, использующего в своих произведениях польские элементы, для выявления среди этих полонизмов (и украинизмов) особенностей, характерных для польского периферийного диалекта, для издательской практики (снабжение текстов соответствующими комментариями). Кроме того, сопоставление функционирования полонизмов в дискурсе русской литературы XIX–XX вв. с функционированием русизмов в текстах польской литературы аналогичного периода ее развития может дать интересные результаты в области компаративного изучения славянских литератур. Одновременно анализ не только польских языковых особенностей, но и польских историко-культурологических реалий в текстах русской литературы, как и русских «мотивов», включаемых в канву польских произведений, вписывается в более широкий контекст исследования функционирования славянских реалий в западноевропейской литературе, в кото-

³ В настоящее время на кафедре славянской филологии пишется дипломная работа о польских и украинских языковых элементах в отдельных произведениях русской литературы XIX–XX вв.

Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с.

рой (в частности, во французской литературе XIX в.) эти «экзотические» мотивы (ср. «богемские», «моравские» и «словенские» сюжеты во втором томе «Консуэло» и в «Графине Рудольштадт» Ж. Санд, сборник «Гузла» П. Мериме, неоднократные упоминания о России и русских в произведениях О. Бальзака и др.) пришли на смену ориентальным увлечениям XVIII в. (ср. «Персидские письма» Монтескье, «Задиг, или Судьба» Вольтера и др.).

Л и т е р а т у р а

Виноградов 1958 – *Виноградов В. В.* Наука о языке художественной литературы и ее задачи (на материале русской литературы: IV Международный съезд славистов. Доклады. М., 1958.

Гоголь 1956 – *Гоголь Н. В.* Сочинения. М., 1956.

Короленко 1953, 2 – *Короленко В. Г.* Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 2. М., 1953.

Короленко 1953, 6 – *Короленко В. Г.* Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 6. М., 1953.

Ananiewa 2003 – *Ananiewa N.* O zasadach opisu leksykograficznego gwar kresowych // *Gwary dziś*. 2. Poznań, 2003.

Grzesiakowa 1992 – *Grzesiakowa Z.* Między Horyniem a Słuczą. Warszawa, 1992.

Kremer (1870) 1999 – *Kremer A.* Słowniczek prowincjonalizmów podolskich // *Język polskich dawnych Kresów Wschodnich*. Т. 2. Studia i materiały. Warszawa, 1999. S. 259–340 [przedruk].

Kurzowa 1983 – *Kurzowa Z.* Polszczyzna Lwowa i kresów południowo-wschodnich do 1939 roku. Warszawa; Kraków, 1983.